

КУЛЬТУРА КИЕВСКОЙ РУСИ (X—XIII вв.)

Киевская Русь X—XI вв. — время единства Руси, время ее славы и могущества. Культура Киевского периода заложила основы последующего развития культур трех братских народов: великорусского, украинского и белорусского.

Не случайно народ воспел это время в своих былинах. Русские богатыри — Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович — съезжаются в стольный Киев град и здесь защищают русскую землю от степных врагов. Вокруг Киева и Новгорода сложилось единое и могучее Русское государство — самое обширное в тогдашней Европе. Русские дружины не раз появлялись под стенами Константинополя. Они разгромили Хазарский каганат, отстаивали открытые и легкодоступные степные границы Руси от набегов кочевников, появлялись на Северном Кавказе и в Малой Азии.

*

Основой успехов Руси в развитии всех сторон культуры, ее внешнеполитического могущества, ее быстрого общественного развития был труд русского народа, труд земледельческий в первую очередь. Русь не знала рабовладельческого строя. Уже в X и XI вв. на Руси утвердился развитой феодальный строй с его двумя противостоящими друг другу общественными классами: классом крестьян-земледельцев и классом феодалов-землевладельцев.

Крупные хозяйства (княжеские, боярские, монастырские) постепенно подчиняли себе мелкие — крестьянские. Крупные хозяйства владели огромными стадами рогатого скота и тысячными табунами коней. Но в крестьянских хо-

зяйствах часто не хватало скота; коней отбирали для военных нужд. Жестоко эксплуатируемые крестьяне часто вынуждены были переходить на работу к крупным землевладельцам. Гнет эксплуатации народных масс все усиливался и в XI в. стал невыносимым. Целый ряд восстаний крестьян, поддержанных городскими низами, отметили летописцы в XI в. Восстания были неудачными, но напуганные ими феодалы склонны были идти на уступки, развивалась проповедь мягкого отношения к «сиротам» (как называли крестьян), и одновременно возникали новые и новые княжества, происходило феодальное дробление, которое давало лучшие возможности феодалам держать в узде народные массы.

Культура Руси развивалась на основе жесточайшей эксплуатации трудового народа — главным образом крестьянства.

Классовая борьба крестьян с феодалами наложила особый отпечаток на всю культуру Руси. Феодалы выступали по преимуществу как заказчики, работодатели и требовательные идеологические руководители, но непосредственные исполнители заказов феодалов — ремесленники, строители, живописцы, переписчики рукописей — умели вносить в выполняемые ими произведения свои вкусы, свои идеи, свои навеянные русской жизнью темы, мотивы, технические усовершенствования. Иногда эти внесенные исподволь мотивы и темы превращали их изделия в настоящие шедевры народного мастерства.

Нельзя, однако, думать, что заказчики-феодалы только тормозили развитие искусства и литературы. Нет. Это были люди высокой европейской культуры. Они были проводниками полезных культурных воздействий различных стран — воздействий, творчески осваивавшихся и перерабатывавшихся русскими мастерами. Они скапливали в своих руках огромные материальные средства и делали возможным осуществление крайне дорогих предприятий — от обширных храмов и княжеских теремов до богато украшенных рукописей и ювелирных изделий.

*

Основной формой труда в Киевской Руси было, как мы уже сказали, земледелие. Земледелие сделало большие успехи в VIII—X вв. Наряду с подсечным (иначе — огне-

вым или пáловым) земледелием, при котором для подготовки участка под посев вырубали лес, а затем поджигали подсохнувший участок, развивалось земледелие пашенное. Вместо мотыги стала употребляться соха, а затем и плуг.

Археологами найдены зерна ячменя, овса, ржи, пшеницы, проса, гречихи, льна, мака, гороха. Из огородных культур наибольшим распространением пользовалась репа (ее сажали не меньше, чем позднее картофель, она была самой дешевой пищей), капуста, лук, чеснок, хмель, бобы. В садах разводились яблони, вишни, смородина, на юге — виноград.

*

Ремесло было развито и городское и сельское. Делались изделия из железа, керамики, дерева, вырабатывались кирпичи. Существовали искусные строители деревянных и каменных сооружений.

Чрезвычайно важным видом ремесла в домонгольской Руси было ремесло кузнецов. Железо добывалось сыродутным способом главным образом из болотной руды в разных местах страны. Режущие орудия труда, оружие и инструменты изготовлялись из стали, известной в древней Руси под названиями «оцел» и «харалуг», а с XVI в. — «уклад». Микроструктурным анализом стальных изделий домонгольской Руси удалось открыть, что русским кузнецам были известны два вида стали — оба сложной системы выработки. Всего археологами обнаружено до 150 различных видов изделий из железа и стали. Сделанные русскими кузнецами замки, самого разнообразного вида и назначения (различной конструкции висячие замки, замки для дверей, сундуков, ларцев и пр.), вывозились далеко за пределы Руси и были известны в Европе под названием «русских замков».

Обильнее всего была продукция гончаров. Посуда изготовлялась на гончарном круге, покрывалась орнаментом (наиболее типичен линейно-волнистый, состоявший из параллельных горизонтальных и волнообразных линий). Производство гончарных изделий в городе было сложным и разнообразным.

В городе, кроме посуды, делались кирпичи, небольшие плитки для декоративных целей, покрывавшиеся сложным эмалевым узором. Эмалевой поливой покрывалась посуда, игрушки и т. д.

Ремесло в древней Руси не стояло на одинаковом уровне. Ремесло сельских местностей и городское не только различалось по качеству производимых изделий, но и по ассортименту.

Ремесленники городские и сельские отличались друг от друга по самим специальностям. Это показывает, что город резко отделялся в древней Руси от села, свидетельствует о развитости городской жизни.

Из изделий городского ремесла особенно славились в XI—XIII вв. произведения ювелирного искусства, среди них на первое место следует поставить перегородчатые эмали и изделия с чернью. Чернь применяли для серебряных изделий. Блестящее светлое серебро резко контрастировало с глубоким темным матовым тоном черни. Изготавливались изделия с чернью следующим образом. Места на серебре, которые должны были быть заполнены чернью, немного углублялись чеканкой или тиснением и процарапывались резцом для того, чтобы чернь держалась лучше. Затем в эти углубления вмазывался слегка разведенный водой порошок из смеси серебра, свинца, красной меди, серы, поташа, буры и соли и изделия прокаливали в жаровне. После этого края черни и выступающие светлые части дорабатывались резцами.

Перегородчатой эмалью украшались золотые вещи. Делалось это так. На поверхность золота припаивали в виде узоров золотые перегородки, образующие небольшие замкнутые вместилища для эмали. В перегородки насыпали разноцветную эмалевую массу, и вещь затем прокаливали. Эмалевая масса расплавлялась и равномерно заполняла пространство между перегородками, которые становились таким образом как бы обводами разноцветных узоров. Почти так же делалась и выемчатая эмаль с тем только различием, что вместилища для эмалевой массы изготавливались не из перегородок, а путем углублений в металле, чаще всего в меди. Вся сложность этой работы заключалась в том, чтобы точно рассчитать температуру плавления, при которой эмаль не потеряла бы цвета от перегрева и металл не расплавился бы.

Необыкновенно искусна была и филигрань. Филигрань (по-русски «скань») представляла собой изделия из тончайших скрученных («сканных») проволок. Из этих скрученных проволок выкладывались сложнейшие узоры, которые затем слегка припаивались к поверхности предмета или спаивались между собой для изготовления ажурной филигранны.

Близка к филигранны древнерусская зернь, иногда применявшаяся вместе с филигранью. Зернь представляла собой мельчайшие капельки металла (золота или серебра), из которых выкладывались узоры, припаивавшиеся к предмету. Каждое из этих зерен было в 5—6 раз меньше булавочной головки. На отдельных ювелирных изделиях, сравнительно небольших по размерам, можно насчитать несколько тысяч таких зерен.

Вот как описывает технику изготовления женских подвесных украшений — колтов — с зернью известный исследователь древнерусского ремесла академик Б. А. Рыбаков.

«Колты с зернью делались из спаянных вместе пяти, шести или семи серебряных конусов, поверхность которых покрывалась несколькими тысячами зерен металла. Для того, чтобы представить всю тонкость и необычайную кропотливость этой сложной ювелирной работы, укажу, что предварительно на конусы напаялись микроскопические колечки, свернутые из проволоки. На всю поверхность колта их приходилось около 5000. Затем на каждое колечко мастер напаял по одному крошечному зерну серебра. Труд мастера вознаграждался игрой рельефной зерни».⁵

Заканчивая характеристику ювелирных изделий XI—XIII вв., не могу не привести описание известной оправы с крестовидной прорезью, найденной в Старой Рязани. Вот что пишет об этой оправе Б. А. Рыбаков: «Верхом совершенства ювелирной техники следует считать оправу с крестовидной прорезью из Старой Рязани. Между двенадцатью камнями, оправленными в золото, мастер устроил целый цветник из миниатюрных золотых цветков, посаженных на спиральные пружинки в 4—5 витков, припаянных только одним концом к пластинке. Спиральные стебельки

⁵ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 339.

были сделаны из рубчатой золотой проволоки. Цветы имеют по пять тщательно сделанных лепестков, фигурно вырезанных и припаянных к пестику. На пространстве в 0.25 кв. см рязанский мастер ухитрился посадить от 7 до 10 золотых цветов, которые колыхались на своих спиральных стеблях на уровне лиловых самоцветов».⁶

Мы упомянули только наиболее прославленные виды русского прикладного искусства. По-видимому, существовало более 40 ремесленных специальностей, многие из которых достигли значительного совершенства. Так, например, русские навесные замки вывозились во многие страны Европы. Высоким искусством отличались стеклянные цветные браслеты, поливная керамика, резьба по кости, широко известная в Западной Европе под именем «резьбы тавров» или «резьбы русов», которую особо восхвалял византийский писатель XII в. Тцетцес.

В русских городах были целые районы, заселенные гончарами, кузнецами, кожевниками. Много ремесленников проживало в сельских местностях.

*

Высшие формы культуры конца X—XIII вв. — письменность, общественная мысль, литература, живопись, зодчество — были тесно связаны с основным культурным событием того времени — принятием и распространением христианства.

Огромным культурным переворотом, внесшим чрезвычайно глубокие изменения в развитие культуры, позволившим накапливать культурный опыт, знания, развивать художественное слово, закреплять и сохранять словесные произведения для потомства и распространять их среди обширных масс людей, явилось введение единой письменности. По-видимому, отдельные системы письменности существовали на территории Русской земли издавна, особенно в районах, прилегавших к северным берегам Черного моря, где когда-то располагались античные колонии. Археологи находили разные знаки письменности на камнях, глиняных сосудах, кусках дерева. О письменах славян

⁶ Там же, стр. 341.

писали арабские путешественники и географы X в. О «чертах и резах» славян, существовавших издавна, свидетельствуют и древнейшие славянские писатели.

Нужда в письменности появилась с накоплением богатств и с развитием торговли; нужно было записать количество товаров, долги, различные обязательства, письменно закрепить передачу накопленных богатств по наследству и т. д. В письменности же нуждалось и государство, особенно при заключении договоров. С ростом патриотического самосознания появилась потребность вести запись исторических событий. Возникла необходимость и в частной переписке. Следовательно, чем выше было развитие общества, тем больше была нужда в письменности. В разных местах изобретались свои алфавиты или заимствовались чужие.

Конечно, только единая система алфавита могла по-настоящему служить делу общения людей, делу закрепления для потомства их культурных достижений. Такая единая система была перенесена на Русь из Болгарии одновременно с принятием христианства.

Христианство, в отличие от язычества, было религией с высокоразвитой письменностью. Оно обладало собственным, очень обширным составом книг, письменных произведений, обязательных при совершении богослужений, для монастырских чтений, для пропаганды христианства, для обучения служителей церкви. Здесь были сочинения исторические, церковно-певческие, богословские, проповеднические и т. д. Все эти книги с очень сложным содержанием требовали не только единого алфавита, но и высокоразвитой письменной системы в целом.

Первоначально в X в. на Руси появилось из Болгарии два алфавита: глаголица и кириллица. Впоследствии кириллица возобладала и закрепилась. Этим алфавитом с некоторыми изменениями мы пользуемся и сейчас. Появилась система знаков препинания. Появилось умение изготавливать писчий материал из кожи животных, составлять чернила, краски, украшать рукописи орнаментом и иллюстрациями, делать прочные переплеты.

Все это «книжное искусство» было очень высоким уже в XI в. Почерки, которыми писали писцы, были красивыми и четкими, писчий материал (пергамен, чернила) необыкновенно прочным, книжные украшения исключительно

1. Золотая подвеска с эмалью XII в.
Государственный Русский музей.

2. Бронзовый водолей XII в. из Вщижа.
Государственный Исторический музей.

3. Дочь Ярослава Мудрого (по-видимому, Анна — королева Фран-
ции). Деталь фрески XI в. в церкви Софии в Киеве.

4. Музыкант. Деталь фрески XI в. в церкви Софии в Киеве.

5. Скоморохи. Деталь фрески XI в. в южной башне церкви Софии в Киеве.

6. Деталь фрески конца XII в. в Преображенском соборе Спасо-Мирожского монастыря в Пскове.

7. Дмитрий Солунский. Икона XII в.
Государственная Третьяковская галерея.

8. Собор Софии в Новгороде. 1145 г.

изящными, а переплеты иногда такими драгоценными, что о них даже составлялись отдельные записи: кто и где их делал, кто давал на них средства.

От первых русских книг создается впечатление, что мастера, их делавшие, были безраздельно преданы своему ремеслу, делали книги с исключительной любовью, вкладывали в них громадный труд, терпение, старательность. Вот почему в древних русских рукописях сохранилось столько разнообразных «похвал книгам», «книжному чтению», «книжному деланию».

Одно из самых известных славословий книге читается в древнейшей русской летописи под 1037 г.: «Велика бывает польза от учения книжного; книгами мы наставляемы и поучаемы на путь покаяния, ибо от слов книжных обретаем мудрость и воздержание. Это — реки, напоющие вселенную, это источники мудрости; в книгах ведь глубина неизмеримая; ими мы в печали утешаемся; они — узда воздержанию... Если прилежно поищешь в книгах мудрости, то найдешь великую пользу душе своей».

Конечно, эта любовь к книге была не случайной. Она вызывалась потребностью в книжном образовании, в знании, в литературе, в исторических сочинениях и т. д. Простого удивительно, какое количество разнообразных, порою очень искусных произведений появилось на Руси в конце X и в XI в. Этому способствовало то обстоятельство, что древнейший русский язык был очень близок к древнейшему болгарскому, а на болгарском языке уже существовала обширная книжность: переводы с греческого и оригинальные болгарские сочинения. Вот почему с принятием христианства на Руси сразу же появилась целая литература по самым разнообразным вопросам.

Кроме чисто церковных произведений, очень различных по содержанию, куда входили и произведения богослужебные, и исторические библейские книги, и проповеди, и «жития» — биографии святых, и сочинения богословские, к нам были перенесены переводы византийских хроник (из них важнейшие — Георгия Амартола и Иоанна Малалы), из которых русские читатели могли получить представление о мировой истории, географические сочинения («Топография» Козьмы Индикоплова, т. е. «плавателя в Индию»), сочинения об устройстве мира («Шестоднев» Иоанна экзарха болгарского), о мире животных (так на-

зываемый «Физиолог»), переводы греческих романов («Александрия» — роман из жизни Александра Македонского, «Девгениево деяние» — повесть о жизни и приключениях византийского богатыря Дигениса Акрита) и т. д. Но, наряду с уже готовыми переводами, в Киеве, Новгороде и других городах стали делаться собственные переводы особенно прославившихся в мировой литературе сочинений. Целые дружины переводчиков работали в Киеве при Ярославе Мудром. Здесь переводились сочинения с греческого и с древнееврейского, а может быть, и с других языков.

Среди русских переводных сочинений особенно следует назвать искусный перевод «Истории иудейской войны», сделанный, по-видимому, при Ярославе Мудром. Это замечательное сочинение, принадлежащее римско-еврейскому писателю I в. н. э. Иосифу Флавию, писавшему на греческом языке, было не только переведено русскими переводчиками с удивительным мастерством, но и дополнено любопытными учеными вставками, о происхождении которых спорят современные ученые многих стран вот уже более столетия.

Но русские не довольствовались одними переводами. Давно уже существовала потребность в русской истории. Этой потребности не могли полностью удовлетворять устные народные предания, сказания, легенды и былины. Возникла необходимость в систематически изложенной истории, проверенной, сопоставленной с историей других стран, извлеченной из самых разнообразных источников: иностранных и своих собственных. Уже в начале XI в., а может быть, и раньше — в конце X в., в Киеве и в Новгороде стали составляться первые летописи. Постоянно разрастаясь, они составили к концу XI—началу XII в. обширный и систематический рассказ, получивший под пером монаха Киево-Печерского монастыря Нестора окончательную литературную отделку под названием «Повесть временных лет».

Если бы от Киевской Руси не дошло до нас ничего, кроме «Повести временных лет», то и этого одного произведения было бы достаточно, чтобы представить себе высоту ее культуры. Это целая энциклопедия древнерусской жизни IX—XI вв. — энциклопедия, дающая представление не только об истории Руси, но и о ее языке, происхо-

ждении письменности, религии, воззрениях на мир, географических знаниях, искусстве, международных связях и т. д.

Повествовательное искусство «Повести временных лет» стоит на очень высоком уровне. Отдельные эпизоды русской истории рассказаны с удивительной наглядностью. Язык этого произведения богат, гибок, точен и лаконичен. Летописец проявляет себя образованным писателем, знакомым с обширным кругом произведений — русских, византийских, болгарских, западнославянских, умеющим пользоваться русским народным эпосом как историческим источником, вставляющим в свою речь народные пословицы, обладающим незаурядным юмором и рассудительностью.

Бесспорно, что ни одна славянская страна и ни одна страна северо-западной Европы не обладала в XI—начале XII в. таким превосходным сочинением по истории своей родины, каким была «Повесть временных лет». Только Византия и Италия имели исторические сочинения, составленные на основе многовековых традиций исторической работы, которые превосходили своею ученостью произведение Нестора.

«Повесть временных лет» не была единственным историческим сочинением своего времени. Еще раньше появилась летопись в Новгороде, летописные записи стали составляться на Волыни, а затем, в XII в., — в Переяславле Южном, Чернигове, Владимире, Смоленске и многих других русских городах и княжествах.

Летописцами выступали самые различные лица — то монахи, то священники городских церквей, иногда игумены монастырей, епископы, библиотекари, посадники и даже сами князья. Это были все люди очень живые, иногда молодые, иногда старые, отличавшиеся большой любознательностью, активно вмешивавшиеся в политическую жизнь, рукой которых водили мирские интересы и политические страсти. Они обрабатывали сочинения своих предшественников и составляли связные рассказы о русской истории за несколько веков.

Уже в XII в. почти в каждом русском княжестве и во многих монастырях велись свои летописи. Эти летописи размножались во многих списках, ими пользовались летописцы для обмена сведениями и для составления больших исторических сочинений — летописных сводов.

Эта работа летописцев поистине изумительна по своей обширности. Несмотря на то, что подавляющая часть летописей погибла, все же сейчас в наших рукописных хранилищах (в первую очередь в Москве и Ленинграде) сосредоточены тысячи летописных книг, изучению и изданию которых посвящают всю свою жизнь специалисты по истории русского летописания.

Помимо летописей с их разнообразным историческим материалом (повествования о походах русских, легенды, сказания, жития святых, грамоты, рассказы о княжеских раздорах, о нашествиях половцев и т. д.), существовала и другая высоко развитая русская литература. Одно только перечисление дошедших до нас сочинений и имен авторов составило бы списки, которые заняли бы целую небольшую книгу. Здесь мы нашли бы исторические повествования, биографии святых (их «жития»), биографии князей (Изяслава Мстиславича Киевского, Даниила Галицкого), повести о феодальных преступлениях (об убийстве Игоря Ольговича, Андрея Боголюбского), поучения и проповеди, патерики (рассказы о выдающихся монахах какого-либо монастыря, например Киево-Печерского).

Одно из самых замечательных произведений русской литературы XII в. — знаменитое «Слово о полку Игореве». Все знают его содержание, его патриотический призыв к единению перед лицом страшной половецкой опасности, его бесценные художественные достоинства. Но если взглянуть на «Слово о полку Игореве» с точки зрения историка культуры — как на свидетельство культурного уровня породившего его общества, то и с этой стороны оно не менее удивительно. «Слово» свидетельствует о высоком чувстве чести, развитом в русском обществе, о чувстве воинского долга, о высоком достоинстве человека, о патриотизме, умении понимать настоящее своей страны в связи с ее историческим прошлым. Трогательный образ верной жены Игоря Ярославны свидетельствует о существовании высоких нравственных идеалов в древней Руси, об умении понимать ценность личных чувств — нежность, любовь, верность, об умении сочувствовать чужому горю. Не менее замечательно в «Слове» понимание психологии воинов, переступивших через границы своей Родины и проникновенно с нею прощающихся: «О, Русская земля, уже за шеломянем еси!» Автор «Слова» сочувствует и одино-

кой смерти на поле битвы князя Изяслава Васильковича и удали Всеволода Буй Тура и тревоге перед битвой. «Слово о полку Игореве» — непререкаемое свидетельство высоты культуры человеческой личности в древней Руси. Именно поэтому так близок автору и мир природы, мир русских городов и сел, вся Русская земля с ее великим историческим прошлым и печальным настоящим. Перед нами одно из самых человеческих произведений мировой литературы.

Высокое развитие литературы в Киевской Руси не может нас удивлять. Оно соединялось с высоким развитием образования. В Киевской Руси существовали различного рода образовательные учреждения. Об одном из них говорит русская летопись под 988 г. После крещения киевлян Владимир «послав, стал брать у знатных людей детей и отдавать их на учение книжное». Судя по Несторову житию Феодосия Печерского, даже в таком окраинном городе, как Курск, в середине XI в. было нечто вроде школы; ребенка примерно десяти лет отдали на учение учителю, у которого он вскоре «изучил всю грамматику». Есть основание думать, что в третьей четверти XI в. в крупных монастырях Киева книжное образование поднималось в церковных рамках до высшего уровня тогдашней европейской науки.

Последовавшее затем феодальное дробление древнерусского государства не было временем упадка просвещения. Период феодальной раздробленности сопровождался ростом областных очагов книжного просвещения. Русская культура того времени концентрируется вокруг многочисленных культурных областных гнезд: Новгорода, Чернигова, Полоцка, Смоленска, Владимира Волынского, Галича, Ростова, Суздаля, Владимира-Залесского и др. Во всех этих центрах расцветают летописание, местная литература, создаются местные школы и небольшие очаги образованности при монастырях.

Недаром впоследствии, в XVI в., церковный (так называемый «Стоглавый») собор указывал, что «в старину» в разных русских городах «многие училища бывали, грамоте, и писать, и петь, и читать учили».

О развитии грамотности не только в верхах общества, но и в среде простых горожан свидетельствуют многочисленные берестяные грамоты XI—XIII вв., найденные

за последние годы во время раскопок в Новгороде. Береста прекрасно сохранилась в сырой новгородской почве, а писали на бересте не легкосмываемыми чернилами, а царапая, выдавливая буквы (особыми палочками — костяными и железными), и это также способствовало сохранности писем. По содержанию — это частные письма, счета, завещания, торговые записи, учебные упражнения и т. д. Все эти берестяные грамоты были когда-то случайно обронены, забыты, выброшены, завалились за бревна мостовой, залежались где-нибудь в углу двора, а затем, в наше время, откопаны осторожными и терпеливыми руками советских археологов.

Перед нами сейчас в этих грамотах открылась сложная повседневная жизнь простого городского люда XI—XIII вв. По этим грамотам мы можем судить о том, что эта жизнь была далеко не такой примитивной, какой она представлялась совсем еще недавно.

*

Непосредственное свидетельство высоты культуры Киевской Руси — памятники зодчества XI—XIII вв., сохранившиеся в Киеве, в Новгороде, во Владимире Суздальском, в Чернигове, Смоленске, Полоцке и многих других древних русских городах.

Первые каменные здания начали строиться на Руси в X—XI вв., а задолго до того русские умели воздвигать сложные деревянные постройки.

Трудовой народ города жил в нехитрых жилищах. Наиболее распространенным типом жилища на юге Руси у сельского и городского трудового населения были полуземляночные жилища с остроконечной крышей. На севере, где леса было больше, этот тип жилища рано сменился наземными бревенчатыми срубными постройками. И те и другие жилища имели печи, топившиеся по-черному, и назывались «истопками», «истбами», «избами», т. е. отапливаемыми помещениями. Рядом с избой бывали и холодные летние помещения — клетки и помещения для скота. Тип северной крестьянской избы, сложившийся в домонгольской Руси, просуществовал в отдельных районах России до XX в. Он мало развивался, так как бедность не позволяла жестоко эксплуатируемому населению вносить какие-либо значи-

тельные усовершенствования в свое жилище. Совершенствовалось лишь устройство печи. В домонгольской Руси печь была глинобитной, куполообразной формы. Окна делались небольшими, волоковыми. По существу это были щели, задергивавшиеся для тепла доской. Лишь богатые жилища феодальной знати имели слюдяные окна, а церкви и княжеские хоромы — даже стеклянные оконницы.

Так или иначе, но плотничное дело достигло на Руси значительного развития. Плотники строили не только избы, но также храмы, грандиозные оборонительные стены на высоких земляных валах, деревянные мостовые, мосты через реки, богатые хоромы и терема знати, гридницы, т. е. большие помещения для пиров и совещаний княжеских гридей — княжеских воинов.

По различным данным можно предполагать, что эти богатые помещения были ярко расписаны, имели разнообразные затейливые кровли и сложные резные украшения. Объединялись плотники в артели, пользовались в работе топорами, молотками, скобелями, долотами. Пила, хотя и была уже известна, но в строительном деле не употреблялась.

В Новгороде был целый район — «конец» города, называвшийся Плотницким. Северные, новгородские плотники славились своим искусством.

С введением христианства русское зодчество испытало плодотворное влияние каменной архитектуры Византии и подвластных ей стран. На Русь приезжали византийские мастера. Однако благодаря наличию на Руси многовековых навыков деревянного зодчества вскоре появились и собственные строители каменных сооружений. Эти первые русские строители, воздвигая храмы в сложных византийских традициях, вносили в свои создания местные технические усовершенствования, стремились отразить свои местные вкусы, приспособляли здания к местным условиям.

Связанное с церковью византийское влияние было на первых порах по преимуществу церковным. Не удивительно, что и первые каменные здания, выстроенные в византийских архитектурных традициях, были главным образом церкви.

И церкви, и парадные дворцы знати отличались в X—XI вв. огромными размерами. Они были светлы внутри,

богато украшены мозаиками и фресками, а снаружи отделаны резным камнем. Церкви обладали великолепной акустикой. Мозаики и фрески покрывали все стены храмов — от пола и до куполов. Орнаменты псалов, выложенные из разноцветных кусков камня, керамики и мозаичной смальты (цветные стекловидные сплавы), были необыкновенно нарядны. Храмы были украшены богатыми золотыми и серебряными сосудами, роскошными византийскими тканями. Из-под сводов свешивались большие хоросы (люстры). Высоких иконостасов еще не было, и поэтому входившие в храм могли свободно видеть все его обширное пространство, всю мощь его сводов и столпов, красоту светлых куполов и великолепие многокрасочного убранства стен.

Необходимо иметь в виду, что храмы древней Руси не были только религиозными сооружениями. В них принимали иностранных послов. В них «сажали на стол» князей, т. е. ставили их на княжества. На хорах хранились казна, библиотека, работали переписчики книг. В храме и около храма собиралось вече из избранных горожан, а в торговых районах города в некоторых из церквей хранились наиболее ценные из товаров, чтобы уберечь их за каменными стенами от пожаров и воров. В Новгороде в храмах собирались братчины (сообщества купцов), устраивались пиры, вокруг храмов объединялись жители улицы или «конца» города. О полусветском-полуцерковном назначении храмов древней Руси свидетельствуют, в частности, и светские сюжеты росписей лестничных башен храма Софии в Киеве. Здесь сохранились изображения охоты, состязаний на ипподроме, скоморошских игр, музыкантов и многое другое. Следовательно, храмы были в древней Руси крупными общественными сооружениями. Вот почему их строили не только монастыри и епископы, но иногда и князья, купцы, объединения жителей той или иной части города, улицы.

От конца X в. дошли до нас остатки обширной Десятинной церкви в Киеве. Этот храм был выстроен при Владимире I Святославиче и простоял до своего разрушения полчищами Батыя в 1240 г. От более позднего времени — времени Ярослава Мудрого — сохранились знаменитый храм Софии в Киеве (около 1037 г.), храм Софии в Новгороде (1045 г.), Черниговский собор Спаса (1036 г.), выстроенный братом Ярослава — Мстиславом. Во второй по-

ловине XI в. были воздвигнуты собор Софии в Полоцке, храм Михаила в Выдубицком монастыре под Киевом и некоторые другие. Все эти сохранившиеся до наших дней храмы свидетельствуют о богатой строительной технике, которой обладала Русь уже в XI в. Мозаики, фрески, нарядные полы Софии в Киеве и Софии в Новгороде дают ясное представление о богатстве их внутреннего убранства.

Известный советский историк Б. Д. Греков так писал о киевских храмах: «Если вы, собираясь осмотреть киевскую Софию, заранее решили отнестись снисходительно к умению наших далеких предков выражать великое и прекрасное, то вас ждет полная неожиданность. Переступив порог Софии, вы сразу попадаете во власть ее грандиозности и великолепия. Величественные размеры внутреннего пространства, строгие пропорции, роскошная мозаика и фрески покорят вас своим совершенством, прежде чем вы успеете взглянуться и вдуматься во все детали и понять все то, что хотели сказать творцы этого крупнейшего произведения архитектуры и живописи. О нем без всякого преувеличения говорил русский митрополит Иларион: „Церковь дивна и славна всем округным странам, яко же йна не обрящется во всем полунощи (севере) землею от востока до запада“. Даже в перестроенном виде, после значительных повреждений в XVII веке, этот храм возбуждал удивление иностранцев. „Вся загадка в том, — пишет Павел Алепский (был в Киеве в 1653 г.), — откуда они (русские, — Б. Г.) добывают этот мрамор, эти огромные колонны, находящиеся вне церкви, потому что во всей этой стране нет ничего похожего на ломки мрамора. Оказывается, что они возили его через Черное море из Маггога, находящегося в окрестностях Константинополя, и потом поднимались большою рекою *Niergos* (Днепр, — Д. Л.), впадающей в это море, выгружали же в городе Киеве“. Ваше удивление возрастет еще больше, если к этим впечатлениям добавить, что София — не единственный, а может быть, и не лучший памятник этого рода. Рядом с Софией стоял другой храм, рухнувший во время осады города Батыем, так называемый Десятинный, известный также и под именем Софии. Он занимал большое пространство (1542.5 кв. метра, а Ярославова София — 1325, правда, без галерей) и судя по остаткам строительного материала и орнамента, был отделан не беднее Софии

Ярославовой. Множество кусков мрамора (летопись даже называет этот храм «мраморным»), мелкие обломки мраморных баз и капителей, куски яшмы, по-видимому, привезенной из Крыма, остатки пола из разноцветных мраморов, куски стекол и крупного шифера, доставленного, вероятно, с Карпат, частицы стеной мозаики, фрагментов греческих надписей — все это вместе взятое не оставляет сомнений относительно характера здания».⁷

Помимо храмов, в Киеве сохранились остатки каменных Золотых ворот; археологи нашли фундаменты княжеских дворцов и крепостных стен. По остаткам земляных валов времени Владимира и Ярослава мы можем судить о быстром росте Киева, а восстанавливая его планировку, — о величии его парадных въездов, о его площадях и торжищах. По сведениям летописи, на Бабином торжке в Киеве стояли «четыре коне медяны» (медная квадрига коней), привезенные Владимиром I из Корсуня, и два античных алтаря. По сведениям средневекового историка Титмара Мерзебургского, в Киеве к началу XI в. было более четырехсот церквей и восемь торжищ.

С разделением Руси во второй половине XI—XII в. на ряд феодальных княжеств, которые не обладали уже такими гигантскими материальными средствами, как единая Киевская держава, строительство становится менее крупным и более дешевым. Сложная и богатая мозаика в убранстве храмов заменяется более простой фреской, упрощается конструкция храмов, внутренние помещения становятся более тесными и т. д. Однако уменьшение размеров храмов не означало общего сокращения строительства. Напротив, в общей сумме оно возросло чрезвычайно. Количество церквей и каменных построек, выстроенных в XII и начале XIII в., исчисляется тысячами. Образуются разнообразные местные особенности в архитектуре. Новгород и Псков отличаются от Киева суровой простотой своих зданий, но вскоре появляются некоторые различия также и между Новгородом и Псковом. Владимиро-суздальская архитектура отличается от новгородско-псковской изяществом своих пропорций, обилием украшений из резного камня, роскошью внутренней отделки. Одни особенности вырабатывает архитектура Смоленска, другие —

⁷ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953, стр. 373—374.

архитектура Чернигова. Совсем особенной была архитектура Галицкой земли и Волынской.

Из большого числа киевских церквей XII в. до нас дошли лишь немногие: церковь Успения на Подоле (1131—1132 гг.) и Кирилловская церковь (1140 г.), богато украшенная фресками.

Черниговское зодчество XII—начала XIII в. представлено рядом выдающихся памятников, из которых наибольший интерес имеет собор Пятницкого монастыря. В его архитектуре исследователи усматривают связь с деревянным зодчеством. Это один из первых храмов с особой высокой пирамидальной композицией.

В Новгороде во второй половине XII в. строительство переходит главным образом в руки бояр и купцов. Здесь вырабатывается новый тип небольшого, простого храма, с одним куполом. Церквей этого скромного типа в Новгороде сохранилось несколько. Все они после великолепных соборов XI—начала XII в. кажутся игрушечными, как бы вылепленными от руки, очень живописными и простыми. Особенно славилась в Новгороде церковь Нередицы, построенная в 1198 г. и разрушенная немецко-фашистскими захватчиками. Всю ее от самого низа и доверху украшали яркие фресковые изображения великолепной сохранности.

«Суровая, величавая, ничем не смягченная сила, — пишет М. В. Алпатов, — вот качество, которым отмечено большинство новгородских памятников XII века. В этом отразились характер и нравы новгородцев того времени. Все слишком мелкое, изящное, хрупкое, изысканное не привлекало их симпатий. „Не хитро, но просто“, — так определяет свой стиль изложения русский паломник в Иерусалим игумен Даниил. Это определение хорошо подходит ко всему искусству Новгорода того времени».⁸

В отличие от суровой архитектуры Новгорода с ее приземистыми пропорциями и простотой, княжеское и церковное зодчество Владимира на Клязьме носило парадный и торжественный характер, выделялось изысканностью пропорций, изяществом линий.

Торжественные арки городских ворот — «Золотых», «Серебряных», «Медных», широкие проезды, мощенные

⁸ М. В. Алпатов. Всеобщая история искусств, т. III. М., 1955, стр. 94—95.

камнем площади, на которые были обращены богато украшенные скульптурой, золоченой медью и фресками фасады белокаменных княжеских построек, обширные и светлые помещения храмов предназначались для многолюдных церемоний. Сверкающие драгоценные полы, золотые купола, богатые ткани, развешиваемые по стенам храмов, дорогая утварь — все преследовало цель поразить зрителя и внушить уважение к власти князя.

Тщательные разыскания известного советского археолога Н. Н. Воронина позволили восстановить облик загородного замка князя Андрея Боголюбского в подгороднем селе Владимира — Боголюбове.

Замок этот был окружен высокой стеной с прекрасными белокаменными башнями. В центре замка на краю берегового обрыва к реке Клязьме возвышался видный издалика дворец Андрея Боголюбского. Восточный фасад дворца выходил к спуску к речной пристани. Западный был обращен на дворцовую площадь, вымощенную плитами белого камня и пересеченную тесаными из камня водосточными желобами. На дворцовую площадь выходил также окованный тонкими листами золоченой меди западный портал собора. Здесь же на трехступенном круглом пьедестале стояла большая белокаменная чаша, из которой путники могли утолять жажду. Чашу окружало восемь изящных, легких, утончавшихся кверху колонн, державших восьмигранную, вероятно, золоченую шатровую кровлю.

Палаты Андрея и собор соединялись белокаменными переходами. Галереи этих переходов имели цветные майоликовые полы и были расписаны фресками. Их фасады были украшены фресковыми орнаментами, металлическими украшениями, резным камнем и, по-видимому, каменной скульптурой.

Центральным зданием этого замка был дворцовый собор Рождества богородицы. Это — небольшой храм с одной вызолоченной главой, с кровлей, красиво облежавшей своды. Стены его были украшены резным камнем. Внутри собор отличался большим своеобразием. Здесь высились расписанные под мрамор колонны с огромными вызолоченными капителями. Искуснейшие художники расписали собор яркими фресками. Пол был вымощен толстыми, запаянными оловом медными плитами, казавшимися современникам золотыми.

Еще большим великолепием отличался выстроенный при Андрее Боголюбском в 1158—1161 гг. и расширенный при Всеволоде Большое Гнездо в 1185—1189 гг. владимирский Успенский собор. Путем тонкого расчета пропорций владимирским зодчим удалось создать впечатление большой легкости сводов и высоты храма. Тонкие столбы легко вздымали своды собора. Зодчие украсили фасады скульптурными деталями. Художники покрыли внутри его стены великолепными фресками. Пол был вымощен разноцветными майоликовыми плитами. Богослужebные сосуды и вся утварь храма были украшены драгоценными камнями и жемчугом. Наружные лицевые стороны Успенского собора разделялись сложными пилястрами с пышными капителями. Изящный пояс из стройных вызолоченных колонок тянулся вдоль стен. Между колонками помещались фресковые изображения святых. Вызолоченные флюгера, изображения птиц и другие украшения из золоченой прорезной меди завершали кровлю. Княжеский летописец не находил слов для описания сверкающего великолепия наружного «узорочья» собора, который, по его словам, был «измечтан всею хитростью», доступной человеку.

Выстроенная тем же Андреем Боголюбским в 1165 г. на берегу реки Нерли церковь Покрова принадлежит к лучшим произведениям русской архитектуры. Ее пропорции отличаются гармоничностью и стройностью. На стенах этой церкви можно видеть каменные резные изображения библейского царя Давида, играющего на струнном инструменте, львов, голубей, фантастических грифонов, барсов, женские маски.

К 1194—1197 гг. относится строительство во Владимире Дмитриевского собора. «В Дмитриевском соборе, — пишет М. В. Алпатов, — белый камень обработан изящно и легко, как слоновая кость; его строителям было присуще понимание гармонии, которого так часто не хватало романским мастерам того времени. Поэтическая целостность замысла, жизнеутверждающее прославление мира придают настенным рельефам Дмитриевского собора особенную привлекательность».⁹

⁹ Там же, стр. 91.

На стенах Дмитриевского собора изображен, между прочим, Александр Македонский, летящий на грифах. Согласно легенде, Александр Македонский летал на своеобразном летательном аппарате. Он прикрепил к корзине могучих грифов и управлял их полетом с помощью длинных палок, на которые были насажены куски мяса. Грифы устремлялись за мясом и летели туда, куда нужно было Александру.

На обращенном к городу фасаде собора скульптор-каменосечец изобразил самого строителя собора — князя Всеволода Большое Гнездо среди коленопреклоненных поданных. В этой искусной каменной резьбе, выполненной по заказу князя, ярко проявились народные вкусы. Каменная резьба владимирских ремесленников очень близка к русской народной деревенской резьбе.

Созданные по княжескому распоряжению владимирские храмы не только отразили идеологию верхов феодального общества, не только служили целям возвеличивания сильной княжеской власти, но воплотили в себе и творческую инициативу народа. Вот почему они, как и многие другие произведения этой поры, выполненные руками русских «хитрецов», «горододельцев», «изографов» (живописцев), сохраняют и для нас свою непреходящую ценность.

*

О высоком развитии культуры домонгольской Руси свидетельствует и живопись XI—начала XIII вв. Живопись существовала на Руси издавна, но только после принятия христианства здесь под византийским влиянием развились ее тогдашние основные виды: мозаика, фреска, иконопись и миниатюра.

Техника мозаики была перенесена к нам из Византии, где она продолжала традиции еще античного искусства. Изображение выкладывалось из кубиков искусно окрашенного стекла (смальты) или из кубиков цветного камня. На поверхность стены наносился слой цементирующего раствора. На этом растворе делался рисунок, и уже по этому рисунку выкладывалась путем вдавливания в раствор мозаика. Линии, образованные рядами кубиков, создавали эффект рисунка. Полупрозрачная ярко окрашенная

смальта создавала особенную глубину тона. Изображения делались так, что были хорошо видны издали, в них отсутствовала излишняя детализация, все было ясно, четко, легко воспринимаемо.

Техника фрески, также перенесенная к нам из Византии и также связанная своими традициями с античным искусством, была менее сложной. Мастер писал красками прямо по сырой штукатурке, особым образом приготовленной. Краски проникали внутрь сырой штукатурки на некоторую глубину и плотно соединялись с ней. Живопись эта была очень прочной. От мозаики фрески отличались некоторой матовостью красочной поверхности. Мастер, расписывавший стены фресками, должен был работать быстро — пока не высохла штукатурка; поэтому фрески обладают большей импровизированностью и непосредственностью рисунка, чем мозаики.

Иконопись представляла собой живопись яичными красками на особым образом подготовленных досках. Она также имела давние традиции и отличалась уже в своих ранних произведениях высоким мастерством, выразительностью изображений, яркостью красок, сложностью сюжетов.

Наконец, миниатюра была связана со всем искусством писания книги в целом. В миниатюрах применялись разнообразные прочные краски и золото. Миниатюрист умел скупыми средствами изобразить наиболее существенное, передать сложное действие.

Древнерусская мозаика сохранилась только в киевском храме Софии (середина XI в.) и частично та, которая находилась ранее в соборе знаменитого киевского Михайловского Златоверхого монастыря (также XI в.)

Гораздо шире представлены фресковые росписи XI—XIII вв.

В киевской Софии имелись не только церковные росписи, но и светские. Здесь была изображена вся семья Ярослава Мудрого. От нее сохранились фигуры двух младших сыновей и всей женской части семьи Ярослава, среди них его дочерей Анны — будущей королевы Франции и Елизаветы — будущей королевы Норвегии. Особый интерес представляют светские росписи на стенах двух лестничных башен, по которым князь и его приближенные поднимались на хоры храма. Здесь изображены сцены

охоты, состязания на ипподроме, скоморохи, музыканты, фантастические звери и птицы.

Из росписей более позднего времени особенной известностью пользуются фрески в Новгороде (начала XII в.) в соборе Софии, в подклетьях Николо-Дворищенского собора, в соборе Георгия Юрьева монастыря, в Антониевом монастыре и некоторые другие.

Одним из самых замечательных памятников европейской живописи XII в. были фрески церкви Спаса Нередицы (конца XII в.) в Новгороде, разрушенные во время Великой Отечественной войны немецко-фашистскими захватчиками. Фрески покрывали стены этого храма от самого пола до купола. Они отличались прекрасной сохранностью и давали посетителям полное представление об изумительном искусстве древнерусских художников.

Из других памятников фресковой живописи XII в. упомянем росписи Кирилловской церкви в Киеве, Мирожского монастыря в Пскове, церкви Георгия в Старой Ладоге, Дмитриевского собора во Владимире.

Чтобы понять искусство древнерусской фрески, необходимо увидеть за религиозными сюжетами черты действительности того времени, простые человеческие чувства, людей, их создававших. Фрески древней Руси отличаются красотой цвета и линий. Живописцы умели немногими красками создавать впечатление исключительного цветового богатства, умели простыми средствами, избегая мелких деталей, передавать движение, подчеркивать индивидуальные черты человеческих лиц. Изображения монументальны и просты, легко смотрятся с большого расстояния, легко сочетаются с плоскостью стен, не нарушая этой плоскости и всей конструкции храмов с их сводами и столбами. Живопись и архитектура не соперничают друг с другом, а гармонично согласуются в общем стремлении к величественности, торжественности, глубокой значительности изображаемого.

Иконопись XI—XIII вв. была почти неизвестна до Великой Октябрьской социалистической революции. В настоящее время в музеях Москвы, Ленинграда и Новгорода, можно увидеть превосходные иконы этого древнейшего периода. В образах святых в них запечатлены мужественные и спокойные люди с умными лицами, полные чувства собственного достоинства, бесстрашия и готов-

ности с оружием в руках отстаивать честь и правду. Особенно характерна в этом отношении икона Дмитрия Солунского из Дмитрова. Предполагают, что под видом Дмитрия здесь изображен владимирский князь Всеволод Большое Гнездо — тот самый, который, по выражению автора «Слова о полку Игореве», мог Дон шеломами вычерпать, а Волгу веслами расплескать.

*

Об обширных культурных связях Руси XI—XIII вв. мы можем судить по многим косвенным данным. Французский средневековый эпос часто упоминает «прекрасную Русь» — ее коней, ее красавиц, изделия ремесла и чудесные кольчуги. О Руси как о сказочной и могучей стране говорят и скандинавские саги. Монах Теофил, живший в XI—XII вв., в своем ученом трактате «О различных ремеслах» ставит Русь по развитию ремесел на второе место непосредственно после самой передовой страны тогдашней Европы — Византии и впереди таких стран, как Германия и Италия.

О многом говорят нам и династические связи русских князей. Сестра Ярослава Мудрого Мария была замужем за польским королем Казимиром, а сестра Казимира была женой сына Ярослава — Изяслава. Другой сын Ярослава был женат на сестре трирского епископа Бухардта. Два остальных сына Ярослава были женаты — один на дочери Леопольда, графа Штаденского, а другой на дочери саксонского маркграфа Оттона. Дочь Ярослава Мудрого Анна была замужем за королем Франции Генрихом I. После смерти короля она вышла замуж за графа де Кресси, а после смерти графа де Кресси жила у своего сына — французского короля Филиппа — и одно время управляла Францией. С ее именем связано во Франции немало различных культурных начинаний. Другая дочь Ярослава — Елизавета была замужем за знаменитым викингом Гаральдом Смелым — впоследствии королем Норвегии. Слава о его подвигах гремела по всей Европе. Он громил берега Италии и Сицилии и, в конце концов, погиб в Англии. Гаральд был поэтом и, когда упорно и долго добивался при дворе Ярослава Мудрого руки Елизаветы, сложил в ее честь песню. Каждая из шестнадцати строф этой

песни, рассказывавшей о его подвигах, заканчивалась словами: «Только русская дева с золотой гривной пренебрегает мною». На фресках Софии в Киеве Елизавету можно узнать среди других дочерей Ярослава по этой самой золотой гривне на шее.

Династические связи русских князей со многими наиболее могущественными государями Европы сохранялись и после Ярослава. Внучка Ярослава Евпраксия Всеволодовна была замужем за германским императором Генрихом IV. Дочь киевского князя Святополка Изяславича Предслава стала женой венгерского королевича, а венгерский король Коломан был женат на дочери Владимира Мономаха — Евфимии. Сам Владимир Мономах был женат на дочери последнего англосаксонского короля Гаральда, разбитого Вильгельмом Завоевателем в знаменитой битве при Гастингсе.

Сын Мономаха Мстислав носил второе англосаксонское имя — Гаральд — в честь своего деда, трагическая судьба которого напоминала и Мономаху и Мстиславу о необходимости объединенного отпора врагам родины.

Обширные династические связи сохранились и в XII и в XIII вв. с Византией, Венгрией и Северным Кавказом. Так, например, могущественная царица грузинская Тамара была замужем за сыном Андрея Боголюбского — Георгием; одна дочь галицкого князя Ярослава Осмомысла вышла замуж за венгерского короля Стефана III, а другая — за познанского князя Одона.

При дворах русских князей находили себе убежище норвежский король Олаф, сыновья английского короля Эдмунда Железный Бок — Эдвин и Эдуард, император Византии Андроник I Комнин и некоторые другие.

Киев видел посольства Византии и Германии, Польши и Венгрии, римского папы и государств Востока. Русские купцы постоянно появлялись в Византии (Константинополе), в Польше (Кракове), в Чехии (Праге), в Венгрии, в Болгарии, в Закавказье и т. д. В Регенсбурге — важнейшем центре торговли Германии с Русью, существовала даже особая корпорация купцов «русариев», т. е. немецких купцов, торговавших с Русью.

Вот почему киевский митрополит Иларион в своей знаменитой речи «О законе и благодати», произнесенной им в киевском храме Софии в присутствии Ярослава Мудрого

и его двора, мог сказать о Руси, что она «вѣдома и слышима во всех концах земли», а киевский летописец в конце XI в., утешая своих современников, переживших страшный половецкий набег, записал: «Да никто не дерзнет сказать, что мы ненавидимы богом. Ибо кого, как не нас, так любит бог... кого так вознес? Никого!»

«Едва ли в какой-либо другой стране средневекового мира, — пишет академик Б. Д. Греков, — можно встретить так много перекрестных культурных влияний, как на Руси. Византия, народы Востока и Кавказа, Западная Европа и Скандинавия кольцом окружали Русь. Персидские ткани, арабское серебро, китайские материи, сирийские изделия, египетская посуда, византийская парча, франкские мечи и т. д. шли на Русь и, конечно, служили не только предметами потребления богатых классов русского общества, но и образцами для художественного творчества русских мастеров».¹⁰

Приведя эту цитату, известный историк искусства М. В. Алпатов добавляет: «Недаром о былинном гусяре Ставре Годиновиче рассказывается, что одну струну свою он натягивал от Киева, другую от Царьграда, третью от Иерусалима».¹¹

Испытывая культурные влияния наиболее передовых стран тогдашнего мира, молодая и крепкая Киевская Русь не теряла своего национального характера. Русские творчески воспринимали все лучшее и создали свои памятники культуры неповторимого своеобразия.

---

¹⁰ Б. Д. Греков, ук. соч., стр. 396—397.

¹¹ М. В. Алпатов, ук. соч., стр. 39.